

СЕРГЕЙ
ГАНДЛЕВСКИЙ

CoRpus

*В сторону
Новой Зеландии*

18+

Сергей Маркович Гандлевский

В сторону Новой Зеландии

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=45093018

В сторону Новой Зеландии: путевые очерки / Сергей Гандлевский: АСТ:

CORPUS; Москва; 2019

ISBN 978-5-17-117969-4

Аннотация

Поэт и прозаик Сергей Гандлевский собрал под одной обложкой свои путевые очерки. Вот что он сам думает на эту тему: “Вообще-то говоря, допущение, что ремесло писателя имеет хотя бы мало-мальское касательство к расстояниям, которые автор покрывает, почти столь же нелепо, как предположение, что мастерство хирурга или плотника как-то связано с легкостью на подъем и перемещениями специалиста в пространстве... И все-таки многие писатели любили поколесить по свету. Писатель-экскурсовод, в отличие от гида-журналиста, нередко «загораживает» собой достопримечательности, ради которых вроде бы он предпринял путешествие. Удивительное дело, но именно эта странность в хорошем писателе не досаждаёт”. Иордания, Италия, Куба, США, Марокко глазами Сергея Гандлевского.

Содержание

Чемоданное настроение (2011)	5
Писатель и километраж (2010)	12
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Сергей Гандлевский

В сторону Новой

Зеландии: путевые очерки

Художественное оформление и макет Андрея Бондаренко

© С. Гандлевский, 2019

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет,
2019

© ООО “Издательство АСТ”, 2019

Издательство CORPUS ®

Чемоданное настроение (2011)

Незадолго до смерти отец, обычно не склонный к проявлениям сентиментальности, сказал ни с того ни с сего: “Надо же: мне седьмой десяток лет, живу я на земле один-единственный раз, а самого, по общему мнению, красивого места – Новой Зеландии – так и не увижу. Глупо...” И от этого пустячного воспоминания сердце почему-то особенно щемит – будто по отношению к стремительно сходящему на нет родительскому поколению не имеется и более серьезных поводов для сочувствия, чем поражение в праве посмотреть мир. (В этом вопросе уроженцам СССР еще повезло. А живи мы в маленькой Албании или на Кубе? В распоряжении советского непоседы была как-никак шестая часть суши – “с южных гор до северных морей”, как справедливо заметил поэт-песенник.)

Но с конца 1980-х от случая к случаю, с ожесточением уминая чемодан в канун отъезда, а наутро и вплоть до посадки в самолет как заведенный проверяя и перепроверяя паспорт, билет, деньги, я среди прочего словно выполняю сыновнее обязательство – наверстываю упущенное отцом. Бог даст, занесет и в Новую Зеландию, а нет – за моим сыном останется фамильный должок.

Уже давно у меня готов ответ на вопрос, справедлива ли

ко мне жизнь.

– Никак нет! – отвечу я по-военному бойко.

И вот почему. Когда, с одной стороны, знаешь себя как облупленного и иллюзий на собственный счет не питаешь, а с другой – весь обвешан подарками, а они все прибывают и прибывают, какая уж тут справедливость?! Взять хоть последний сюрприз: как снег на голову свалившееся предложение обогнуть Европу по морю за 55 дней (с заходом в Амстердам, Лондон, Лиссабон, Барселону, Рим и так далее – вплоть до Кипра)! Под парусами!

Даже возьмись я составить перечень своих самых разнужданных фантазий, подобной не упомяну. Разве что в детстве, отуманенном приключенческими небылицами. Но теперь-то, теперь, когда я худо-бедно остепенился, а по возрасту и умонастроению мне больше к лицу амплуа не вперед-, а назадсмотрящего! Прав-таки Гете: “Чего мы желаем в юности, то мы в изобилии получаем в старости”. Но ведь писатель и путешественник Роберт Льюис Стивенсон тоже на свой лад прав, говоря, что если смотреть дареному коню в зубы, с него недолго и упасть...

Зуд странствий знаком мне, как и многим. Он гнал меня смолоду на Чукотку, Памир, Кавказ, в Среднюю Азию и проч. А когда был сбит амбарный замок с границы, я тоже своего не упускал. Но предстоящее плавание ненароком ухло одну мою серьезную претензию к современному путешествию.

Ведь как обстоит дело. Покорно пройдя – порядок есть порядок – все предварительные процедуры, включая застенчивую ходьбу в одних носках и спадающих без ремня брюках, мы наконец садимся в самолет в пункте А. Стюардесса, картинно стоя в межсалонном проеме, исполняет знакомую до мелочей пантомиму: помавает руками, понарошку надует желтый спасательный жилет, с профессиональным радушием обучая технике безопасности в ситуации, где самое рациональное – уповать на чудо. В свой черед развозят газеты, напитки. Лететь еще часы и часы, а ты уже весь затек и извелся, будто под утро домашней бессонницы. Младенец впереди как начал орать еще у “трубы”, так и продолжает по нарастающей. Через проход в тревожной близости – малый с борцовской шеей прикладывается к спиртному, хотя был хорош уже на паспортном контроле. Некоторое разнообразие вносит обед с его конвульсивной эквилибристикой. Жаль, Чарли Чаплин разминулся с эпохой массовых перелетов с кормежкой: одним комическим шедевром могло быть больше. А попытка заполнения миграционных карт? Снял очки “для дали”, надел “для близи”, но куда-то запропала авторучка. Нашлась авторучка – сел на очки. С энного раза справился с заполнением, оказывается, писать надо было не прописными буквами, а печатными, и в тех квадратиках, что сверху, а не снизу. Между тем Шварценеггера через проход потянуло на подвиги, ребенок орет все истошней... И, как, видимо, и принято в аду, светает или смеркается наобум, а

не вовремя. И на исходе нескончаемой муки мученической – снижение и осязаемый удар о взлетно-посадочную полосу: это мы прибыли в пункт Б. Обитатели застенка жидко рукоплещут.

Если вдуматься, тот еще гешефт. Во сколько раз мы, пассажиры, выиграли в скорости передвижения, во столько же и проиграли во впечатлениях, опыте, шансе набраться умаразума – в прямом смысле *остались в дураках*, пусть и причастных прогрессу. За те семь-девять часов, что мы по-клоунски жонглировали пластмассовой посудой, пялились в газеты с их *non-stop* праздником зла, мы запросто разменяли океан, три горные системы, прорву больших и малых городов, не счесть рек и озер – так ничего и не поняв и не почувствовав во всем этом умопомрачительном просторе. Если разом укрупнить план, мы, например, не подивились лилице, заглядывающей с мусорного бака в окно паба возле рынка “Боро”, не ахнули от мучительной прелести девушки (на долю секунды “Боинг” ревел десятью километрами выше ее кудрей), зябнувшей у городских ворот Сан-Мало с самодельным картонным плакатом в защиту какого-то обреченного зверька. Пока под нами длилось великолепие медленного связанного ландшафта, сотканного из мелочей и подробностей, мы, как дошкольники, писали печатными, торжествовали, проникнув наконец-то в тесный, как гроб, нужник, и извинялись на своем убогом иностранном перед старушенцией справа, на которую смачно выдавили то ли майонез, то

ли горчицу...

Все это брюзжание в общем и целом верно и применительно к путешествию на автомобиле. Чем нас порадует автобан/хайвэй? Скоростью, исключаяющей возможность задержаться на чем-либо взглядом? Мельтешением (будь то холмы Звенигорода или Новой Англии) близнецов кислотных расцветок: бензозаправок, “Макдоналдсов”, “Пицца-Хат” и т.п.?

Из таких одиссей не возвратишься “пространства и времени полный”: и то, и другое скомканы, как освежающая салфетка к концу полета. Какой-нибудь дачный поход в соседнюю деревню за молоком или картошкой дает уму и сердцу куда больше, чем поглощение не одушевленных созерцанием пространств.

Понятное дело, я говорю банальности. Полтора ста лет назад Толстой писал Тургеневу: “Железная дорога к путешествию то, что бордель к любви – так же удобно, но так же нечеловечески машинально и убийственно однообразно”. И скорей всего, классик тоже не был первооткрывателем подобного взгляда на предмет. Понятное дело, любому здравомыслящему человеку хватит пяти минут, чтобы с веселым негодованием окоротить эти разговорчики в строю – и крыть особенно нечем. И все-таки.

А клоню я к тому, что мне выпала редкая удача: выпасть из броуновского движения будней и два месяца передвигаться “с чувством, с толком, с расстановкой”, как это делалось

на протяжении тысячелетий, пока технический прогресс, по существу, упразднив разницу между пассажиром и его чемоданом, исподволь не превратил поступательное повествование путешествия в нынешний дайджест – с его отправлением, транспортным беспамятством и прибытием.

Два месяца в открытом море, однако... Что перво-наперво приходит в голову человеку вроде меня, застигнутому врасплох мыслями о море? “Прощай, свободная стихия...”? Жюльверновский топор, подложенный под компас? “Плавание” Бодлера в переводе Цветаевой? “Не любите, девки, море...”, на худой конец?

А личный опыт? Фантомный вкус морской воды (панацея от ангины), не выдохшийся за полвека, когда меня, мальчика, возили по настоянию врача в Туапсе? Или Каспий на Мангышлаке, где шлепал я в закатанных штанах по щиколотку в прибое, один-одинешенек и молоденек, а со стороны моря и заката промахнуло вдруг что-то огромное и белое, как ангел, оказавшееся по моем выходе из столбняка лебедем? Или охи и ахи прибое, когда шел вполпьяна с каких-то незадачливых амуров уже не упомяну где? Вот, кажется, и все. Негусто.

И каким-то я ворочусь из круиза на “Бегущей по волнам” (так свежо названа шхуна)? Стану ходить вразвалку, сипеть в гостях: “Тысяча чертей! Где у вас галюн”? Рассказывать обомлевшим домашним, *что* я услышал, сидя в бочке из-под яблок?

И где правильно по морским понятиям наколоть якорь – на груди или на предплечье?

Нервическое зубоскальство.

В одном из лучших русских стихотворений вдохновение сравнивается с парусным судном, готовым к отплытию. И заканчивается стихотворение возгласом “Плывет. Куда ж нам плыть?..” И весело, и чудно, и боязно опробовать это романтическое двухсотлетней давности сравнение наяву и на себе¹.

2011

---

¹ Плавание не состоялось – или состоялось, но без меня.

Писатель и километраж (2010)

Вообще-то говоря, допущение, что ремесло писателя имеет хотя бы мало-мальское касательство к расстояниям, которые автор покрывает, почти столь же нелепо, как предположение, что мастерство хирурга или плотника как-то связано с легкостью на подъем и перемещениями специалиста в пространстве. Человеку для того, чтобы осуществиться в писательском качестве, нужны перво-наперво не охота к перемене мест, а совсем другие свойства натуры: графоманская жилка (страсть к писанине – расположению слов на бумаге), чувство стиля (расположение этих слов в своем и неповторимом, авторском порядке), инфантилизм (пожизненная незрелая впечатлительность), ущербность (самочувствие “белой вороны” и как следствие – то жар уничижения, то холод гордыни, порождающие ненормальное честолюбие, жажду обрести вес в собственных глазах и во мнении публики). Примерно такой набор личных качеств и зовется в просторечии литературным талантом. Все прочие особенности характера: широта и мелочность, смелость и робость, ум и глупость, наличие внятного мировоззрения или отсутствие оно-го, равно как любовь или нелюбовь ко всякого рода экскурсиям, имеют отношение не к писательству как таковому, а к чисто человеческим особенностям того или другого автора, обладателя литературных способностей.

Краеведение и бытописание, цифры и факты – удел принципиально иной отрасли словесности. Сошлюсь на мнение мастера литературного перевода В.П. Голышева: “*Возникает впечатление, что, когда ты вводишь новый материал, ты что-то для литературы делаешь. На самом деле – ничего подобного. <...> За счет голого материала получается журналистика*”.

Писатель из каких-то своих соображений волен прикинуться журналистом, но... Для настоящего журналиста поездка куда бы то ни было – цель, для писателя – средство: встряска собственного *внутреннего* содержания, испытанный способ стронуться с профессиональной мертвой точки. Впрочем, с тем же успехом такими плодотворными потрясениями могут стать смена места службы или местожительства, развод, неделя рыбалки или какое-нибудь житейское безобразие. Иными словами, журналист едет за тридевять земель, чтобы описать всякую невидаль, а писатель тайно или явно надеется, что временная перемена образа жизни поможет ему вернуться к его же навязчивой теме, будь то детство, смерть, смысл или бессмыслица бытия и т. п.

Писатель-экскурсовод, в отличие от гида-журналиста, нередко “загораживает” собой достопримечательности, ради которых вроде бы он предпринял путешествие, а любознательный читатель, в свой черед, обзавелся книгой. Удивительное дело, но именно эта странность в хорошем писателе и ценится. “Говори, говори, – мысленно просим мы стоящего

автора, – нас увлекает твой монолог, он нас радует или бесит. Не умолкай, разговаривай. Предмет, занимающий твое внимание, – извержение вулкана или порез при бритье – второстепенен...”

Я, например, в отрочестве прочитав “Фрегат «Палладу»”, уже забыл за давностью лет, какие страны посетил Гончаров, но помню, что классик много брюзжал, на дух не переносил англичан и в совершенно мещанском своем самодурстве пожелал каким-то дальневосточным островитянам маршировать в мундирах европейского покроя вместо того, чтобы ходить в национальных хламидах и писать стихи палочками на табличках. Точь-в-точь по анекдоту о споре военных и гражданских, кто из них умнее, когда военные, торжествуя и как бы закрывая тему, вопрошают: “Раз вы, штатские, такие умные, что ж вы строим не ходите?”

Или другое писательское путешествие – “Путешествие в Арзрум”. Наверняка существуют и более обстоятельные и профессиональные описания Русско-турецкой войны 1828–1829 годов, но у какого исследователя читатель натолкнется на сцену, исполненную такого злодейского юмора? “Увидев меня во фраке, он (“пленный паша. – С. Г.) спросил, кто я таков. Пуцин дал мне титул поэта. Паша сложил руки на грудь и поклонился мне, сказав через переводчика: *Благословен час, когда встречаем поэта. Поэт брат дервишу. Он не имеет ни отечества, ни благ земных; и между тем как мы, бедные, заботимся о славе, о власти, о сокровищах, он сто-*

*ит наравне с властелинами земли и ему поклоняются. <...>
Выходя из <...> палатки, увидел я молодого человека, полу-
нагого, в бараньей шапке, с дубиной в руке и с мехом <... > за
плечами. Он кричал во все горло. Мне сказали, что это брат
мой, дервиш, пришедший приветствовать победителей. Его
насилу отогнали*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.